

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА

Дом Лусегена Попова

Дом был построен в 1890–1891 годах на границе Бульварной площади и Екатерининской (ныне площади Карла Маркса). Авторство проекта приписывается известному нахичеванскому архитектору Н.Н. Дурбаху (Дурбахяну). Построил дом крупный нахичеванский землевладелец и скотопромышленник Лусеген Попов. Первый этаж дома предназначен для сдачи в аренду под конторы и торговлю, второй — для апартаментов владельца. Богатым убранством отличался интерьер дома. Ныне, к сожалению, он не сохранился.

В 1920 году в доме разместились военно-революционный комитет.

В 1928 году был открыт роддом, и все лепное убранство зала и парадных комнат второго этажа было сбито.

В начале 30-х годов XX столетия разобрали и балкон-навес над парадным входом. А между тем, по мнению Л.Ф. Волошиновой, написавшей замечательную книгу «Бульварная площадь»,

такой своеобразной античной символики, как на доме Л. Попова, не найти больше ни в Нахичевани, ни в Ростове.

В начале XX века после смерти владельца дом переходит к его наследникам. В 1907 году дом принадлежал Мануку Михайловичу Попову. Манук Михайлович вел не менее активную торговую и коммерческую деятельность, чем его родственник, построивший это здание. Он был известен и уважаем в городе за благотворительную деятельность. М.М. Попов являлся почетным смотрителем Городского училища, избирался гласным городской думы, на свои средства построил доходный дом, прибыль от которого полностью отдавал на содержание женского училища им. Св. Рипсиме.

Манук Михайлович в свой дом брал на воспитание армянских девочек-сирот. Для них на втором этаже была выделена отдельная жилая комната. Воспитанниц обучали армянскому и русскому языкам, шитью, рукоделию, кулинарии. А по достижению ими совершеннолетия Попов находил им работу и спутника жизни, обеспечивая при этом каждую небольшим приданым.

У самого Манука Михайловича была единственная дочь, которая увлекалась

верховой ездой. Ее часто могли видеть в Нахичевани скачущей верхом на породистом скакуне. В своей книге «Бульварная площадь» Л.Ф. Волошинова приводит воспоминания старых нахичеванцев, которые рассказывали, что девочка уверенно держалась в седле, хорошо управляла скакуном и любила совершать поездки по окрестностям Нахичевани. Вторым ее увлечением были драгоценные камни. Вспоминают, что на приемах она появлялась в строгих платьях с украшениями, искусно выполненными из бриллиантов и изумрудов.

Что стало с Мануком Михайловичем Поповым и его дочерью после революции — неизвестно. Их следы теряются в годы революционного лихолетья. По-видимому, вместе с белой армией навсегда Нахичевань покинула и семья Поповых.

Но вот уже без малого восемьдесят лет многие поколения ростовчан рождаются на свет в роддоме № 2, в фамильном доме Лусегена Попова. И автор этих строк родился в нем.

Давно пришло время отдать дань светлой памяти Лусегена Попова, его семье, людям, построившим это удивительно красивое здание и жившим на благо Нахичевани.

Георгий БАГДЫКОВ

НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ

Рубрику ведёт член правления «Ново-Нахичеванской — на — Дону армянской общины» Григорий Антроникович Нор-Аревян

Житейская мудрость

- 340. На людей собака лает, а на нас — кошка.
- 341. Неудачника и на верблюде собака кусает.
- 342. От волка бежал, да на медведя напал.
- 343. Пойдет к морю — и море высохнет.
- 344. Раз в жизни перекрестился и то глаз выколол.
- 345. Только танцевать научились — свадьба кончилась.
- 346. Воробей не станет соколом.
- 347. Змея меняет кожу, но не характер.
- 348. Зубы белые, но сердце — черное.
- 349. И муха так укусит, что опухнешь.
- 350. Как ни скреби осла, конем не станет.
- 351. Легкий арбуз бывает пустым.
- 352. Мала иголка, да больно колет.
- 353. Невелик дождь, но каждый день наполняет реки.
- 354. Невелик узелок, но крепко затянут.
- 355. Не все круглое — яблоко.
- 156. Не каждый в черной одежде — священник.
- 357. Ноская курица много кудахчет.
- 358. От золотого седла конь не станет быстрым, от парчового платья девушка не станет нежной.
- 359. От того, что подойник большой, молока у коровы не прибавится.
- 360. Сколько бы ворона ни купалась, гусем не станет.
- 361. Собака не станет овцой, если даже отрубить ей хвост.
- 362. У скотины пятна снаружи, у человека внутри.
- 363. Черная корова белое молоко дает.
- 364. Черная курица белые яйца несет.
- 365. Шерсть гладкая, но когти — острые.
- 366. Без соли, без хлеба худая беседа.
- 367. Гость ест не то, на что рассчитывал, а что подал.
- 368. Гость немного гостит, но много видит.
- 369. Гость пришел, гость ушел, а место свободным не осталось.
- 370. Для хорошего человека хлеб всегда найдётся.
- 371. Дом не мой, а того, кто дверь открывает.
- 372. Если гость подождет, хозяин хлеба принесёт.
- 373. Запоздалый гость остатки доедает.
- 374. Меч не сделает того, что делает хлеб.
- 375. Глубже посеешь — больше хлеба возьмешь.
- 376. День узнается с утра, а год — с весны.
- 377. Для хлебороба черная земля — постель, сухой камень — подушка.
- 378. Днем раньше посеешь — неделей раньше скосишь.
- 379. Если в сите нет муки, не будет и отрубей.
- 380. Если земледелец не будет гнуть спину, севы его будут расти криво.
- 381. Если летом крестьянин отдыхает, зимой скотина подыхает.
- 382. Какова земля, таков и хлеб.
- 383. Когда нет лошади — и мул хорош.
- 384. Коня у кормушки пожалей.
- 385. Кто весной спит, тот зимой плачет.
- 386. Кто поле пашет, тот его и засеивает.
- 387. Кто рано сеет — семян не теряет.
- 388. Летний день за зимнюю неделю.
- 389. Март прошел — забота прошла.
- 390. Молоко у коровы на языке.
- 391. Удел хваленного коня — крестьянская телега.
- 392. Усердие и ремесло — братья.
- 393. Хорошая лошадь не имеет цены, а плохую — даром не бери.
- 394. Вместе с сухим и сырое сгорает.
- 395. Вода себе дорогу всегда найдет.
- 396. Вода утечет, песок останется.
- 397. Волк и ягненок по одной стезе не ходят.
- 398. Вокруг муравейника ничего не растет.
- 399. Град бьет и поле праведника, и поле грешника.

БЫЛОЕ

О судьбе человека

Шла гражданская война

Яша открыл глаза и удивился. Сверху сквозь решетчатое оконце пробивалась серая полоска дневного света. Где я? Пологий потолок из бревенчатого наката походил на один из тех, которые делают в землянках.

Не пригляделся, а скорее почувствовал, что рядом кто-то лежит. Яков тихо позвал: «Товарищ». В ответ с таинственным шуршанием что-то мимо пронеслось.

«Крысы!», — мелькнуло в голове Якова. Он привстал, стараясь вглядеться в полумрак и осторожно ощупывая вокруг себя. Мурашки пробежали по его спине, когда он вдруг почувствовал под рукой холодное голое тело человека. Мертвец! Яков быстро вскочил на ноги и отпрыгнул в сторону. Ноги его коснулись заколоченного трупа, а рядом ещё и ещё. Ужас охватил Якова, и он, спотыкаясь, бросился к окну. Рядом дверь, но она заперта снаружи. Карабкаясь вверх к окну, он не закричал, а заревел: «Помогите, откройте, я живой!». Потом он кинулся снова к двери и стал барабанил, насколько хватило сил.

Вдруг Якову послышалось, что в углу землянки кто-то зашевелился. Страх целиком овладел Яковым, он почувствовал, будто у него на голове зашевелились волосы, снова забегали мурашки по спине, а колени задрожали. Быстрее ружейного выстрела мысли пронеслись одна за другой. А может, есть живые? И он почему-то громко крикнул: «Братцы, кто живой, вставайте!». Крикнул громко, очень громко и испугался: вдруг услышат мертвые и все разом встанут голые, тощие, заколоченные. Яков упал, теряя сознание.

Очнувшись Яков от холода. Стояла лунная ночь. И кругом была мертвая тишина. Да, мертвая в полном смысле этого слова. Недавно охвативший его страх несколько ослаб и он мог собраться с мыслями. Здесь среди мертвых должен быть его друг красноармеец Ершов. Их вместе с другими больными тифом сняли с эшелона, идущего на фронт. Сутки они лежали прямо на перроне, потом их стали носить в вокзал. Носили два санитаря. Один из них, здоровый детина, злой и грубый, был похож на жандарма, а не на санитаря.

А когда друг Яши на восьмые сутки потерял сознание, оба санитаря взяли его на носилки.

— Куда вы его? — ослабевшим голосом спросил Яша.

— В морг, — грубо ответил здоровенный детина.

— Да ведь он же ещё живой, — почти закричал Яков.

— Дойдет, — хмуро и нагло ответил санитар. У Якова застучало в висках.

Он хотел вскочить, но не смог даже приподняться, хотел закричать, но силы покинули его, и он только простонал. Да, это он все помнил, помнил ясно, значит, и его, также полуживого, отравили в морг.

«Сволочь, сволочь белогвардейская», — думал Яков о санитаре, и кровь стучала в висках. «Найти Ершова», — мелькнуло у

Эту историю о себе, которая случилась ещё в годы гражданской войны, мне рассказал сам Яков Николаевич Боснокан. В 60-е годы Я.Н. Боснокан руководил проектно-сметным бюро Горжилуправления, расположенным в то время на 2-м этаже ростовской городской бани по адресу: Кировский, 42.

Якова, и он машинально протянул руку к карману за спичками. Только теперь он осознал, что на нем нет одежды. От сознания, что он голый, стало ещё холоднее, застучали зубы. Что делать? Как выбраться? Он снова навалился на дверь, но дверь не поддавалась. Он дергал решетку окна, но тщетно. Еще раз кричать, звать на помощь ночью было бесполезно. Предраассветная мгла сменилась солнечным утром. Слово луч прожектора, пробилось и засияло солнцем. Крикнув пару раз в окно и побарабанив в дверь, Яков решил попробовать выбраться через потолок. Потолок был невысоким, но все же с пола не достать, если положить двух, трёх покойников друг на друга. Но потолок был прочен. Крепость.

Мало-помалу он стал привыкать к своим «соседям». Яков принялся за работу. Он стал перекладывать покойников в другую часть землянки. А когда один труп сполз, он решил их переложить штабелем. Он не понимал, что делал. Штабеля, он подбирал рост, цвет волос и другие внешние сходства. Он был на грани помешательства и опомнился только тогда, когда нашел Ершова. Он положил его отдельно и заплакал.

Был полдень, когда Яков услышал шаги, которые приближались к моргу. «Кого-то несут», — подумал Яков и подскочил. Однако лязг замка не последовал. Снаружи послышался глухой старческий кашель, за журчала вода вниз по ступенькам и образовалась пенная желтая лужа. Яков бросился к окну: «Дедуся, помоги, я живой!»

Дед испуганно отшатнулся, быстро застегивая брюки, но к окну подошел.

— Как попал сюда? — строго спросил дед, и Якову вкратце пришлось объяснить ему. Дед побежал на станцию. Через десять минут толпа людей во главе со здоровенным санитаром бежали по направлению к моргу. Послышались взволнованные голоса, лязг замка. Санитар распахнул дверь. Одним прыжком, по-тигриному ловким, Яков сбил санитаря на землю и вцепился в горло. Мужчины бросились разнимать. А бабы, увидев голого Яшку, стыдливо продолжали смотреть на его молодое тело.

Подошел командир, не поняв, в чем дело, резко дернул за плечо Яшку. Развернувшись, Яков наотмашь ударил командира по лицу.

Составили протокол. Якову принесли одежду. Растолкав всех, подошел дед. Волевым голосом он сообщил, что у Яши тиф и что до полного излечения он забирает его к себе.

Приветливо встретила Яшку хозяйка. Голодный, он с жадностью набросился на еду. Пока он ел, хозяйка по приказу старика истопила баньку.

— Ну-ка, солдатик, я тебя перед банькой постригу, ведь тиф. Яшка отмахивался, просил не возиться с ним.

— Ты слухайся меня, солдатик, у меня пять сынов на хронте, можа, тожа из бяды хто вызволит.

— Пять? — удивился Яшка и понял, чем он стал близок деду.

— Пять, — продолжал старик, обобщая шее Якова тряпкой. — Четыре красноармейца, а один, — тут дед тяжело вздохнул и тихо-тихо, почти шепотом доложил: — белогвардева другом пошел, мабудь, одумается, тожа примкнет к бедняцкой власти, млад ещё, девятнадцать годов от роду. Дед быстро зацелкал ножницами.

— Мне, дедусь, тоже девятнадцать лет, — сказал Яков.

— Тебе? — воскликнул дед. — Да когда же ты успел? — дед не договорил, срезанный ножницами пучок волос упал на колени. Яшка широко раскрыл глаза.

— Белые, не может быть, дедуся!

— Да, сынок, седые, — подтвердил дед и протянул осколок зеркала.

Яшка быстро поправлялся. С каждым днем у него прибавлялись силы. Хороший уход и по возможности питание быстро восстанавливали молодой организм. Как-то днем пришел дед домой расстроенный и сообщил:

— Ждут тебя в части твоей. Санитар — мародер, говорят, одежонку в морге снимал да на станции продавал, а сымал-то, подлец, не токма с мертвых. Суд будет, тебя свидетелем записали. А ещё и тебя судить будут за то, что ты командира ударил.

На суд Яков пришел с дедом, деда долго не впускали, но на счастье шёл знакомый командир и разрешил войти деду.

В большом зале собралось много красноармейцев. На сцене за большим столом, аккуратно покрытым красной скатертью, сидел ревтрибунал. Протискиваясь сквозь толпу женщин, Яшка уловил обрывки разговоров: «За что паренька-то?» — «Командира избил после указа о дисциплине». — «Ну, опосля указа» — «Ай раньше не мог».

Якову стало и смешно, и грустно. Санитаря приговорили к расстрелу. Лучшим защитником Якова оказался старик. Его речь на суде звучала так: «Граждане судии! Товарищи судии! Вы знаете, что мародер-санитар живого нашего Яшку в морг снес. Яшке девятнадцать лет, а вот посмотрите, я состриг, — старик развязал тряпочку и положил на стол. — А солдатик здоровый. Я таким в молодости был — пять сынов сродил, а он крепче и здоровее меня, больше вдвое сродит, будет кому Родину защищать. Ну, что он командира ударил, так это от отчаяния, да командир-то и сам уже давно его простил». Скоро Яков вышел из зала суда вместе с дедом.

Ветеран труда
Виктория ГАЛУСТЯН